УДК 811.512.1 Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. Вып. 1

Н. Н. Телицин

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРИЧАСТИЙ В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о причастиях как глагольных формах на протяжении многих лет считается одним из наиболее спорных в тюркском языкознании. На сегодняшний день не сформировалось единого мнения по поводу их состава, функций, семантики.

Причастные формы глагола обычно классифицируют либо по признаку грамматической семантики, либо по функциональному признаку. Примером рассмотрения причастий с точки зрения грамматической семантики можно назвать классификацию Ю. Немета, согласно которой все причастия в турецком языке делятся на перфектные (определенные *-dık*, неопределенные *-mış*), имперфектные (*-an*, *-r*, *-yor*), «инстантные» (*-acak*) [1, s. 90]. По такому же принципу классифицирует причастия в языке памятников тюркской рунической письменности А. Н. Кононов: причастия настоящего времени (*-r*), прошедшего времени (*-myš*, *-duq*, *-syq*) и будущего времени (*-dačy*) [2, с. 120].

М. Эрдал при описании неличных форм глагола в древнетюркских языках, придерживаясь традиционной точки зрения, выделяет только причастия (*imperfect participles, perfect participles or projection participles*) [3, p. 278].

Однако чаще причастия в тюркских языках рассматриваются с функциональной точки зрения. Так, С. Н. Иванов под термином «причастия» в турецком языке объединяет атрибутивные (*-an*), атрибутивно-предикативные (*-ar*, *-mış*), атрибутивно-субстантивные (*-dık*) и атрибутивно-субстантивно-предикативные (*-acak*) формы. Такое разделение функций у причастий, согласно С. Н. Иванову, отражено и в различиях сочетания их с определяемым: атрибутивные и атрибутивно-предикативные причастия являются формами присубъектного определения, а атрибутивно-субстантивные и атрибутивно-субстантивно-предикативные используются при определяемых со значением объекта, места, времени действия (форма *-acak* встречается и как присубъектное определение) [4, с. 35].

Принцип деления причастий по функциям применяет и В. Г. Кондратьев при описании строя древнетюркского языка: причастия состоят из атрибутивных (*-гма*, *-глы*, *-гучы*, *-дачы*) и субстантивно-атрибутивных (*-р*, *-мыш*, *-дык*, *-гу*, *-гулук*, *-йук*, *-сык*) форм [5, с. 93]. Критерием их различения он считает то, что атрибутивные формы могут функционировать как определения с присущим им агентивным значением (определяемое — субъект действия), а субстантивно-атрибутивные формы и как атрибутивы без агентивного значения, и как субстантивы [5, с. 100–103].

Ж. Дени относит причастия турецкого языка по функциональным признакам к «адъективной группе» неличных форм глагола. Однако некоторые формы (*-dik* и *-acak*) оказываются причисленными и к *formes substantives* (*Déclinables*) *du Verbe*, куда входят имена действия (масдары), инфинитив [6, p. 454, 460–462, 508–509]. Поэтому Ж. Дени не считает их причастиями, а называет «пропартисипами» [6, p. 477–484, 508–509].

© Н. Н. Телицин, 2012

Подобная нетрадиционная трактовка рассматривает причастия в тюркских языках как атрибутивные/адъективные формы глагола, которым присуще «агентивное значение» [7, с. 137]. Другие же формы называют либо «пропартисипами» [6, p. 115–130], либо субстантивно-адъективными формами [8, с. 115–130; 9, с. 41–43; 10, с. 100–103; 11, с. 325].

Критерием для разделения на «адъективные формы» («причастия») и «субстантивно-адъективные формы» следует признать то, что в значении первых, как правило, закреплено определенное взаимоотношение между действием-признаком и предметом — носителем признака: предмет есть производитель действия. Для передачи других отношений, в которых предмет выступает, например, объектом действия, необходима форма страдательного залога [12, с. 37–41]. Данные критерии были выработаны на материале некоторых старых и современных тюркских языков (османский, турецкий и т. п.).

Что же касается древних тюркских языков, то не совсем корректно говорить о «необходимости наличия или отсутствия формы страдательного залога», поскольку в материале памятников такие примеры не обнаружены. Это дает право заключить, что на момент создания рассматриваемых памятников данные формы не испытывали необходимости в страдательном залоге.

При рассмотрении «субстантивно-адъективных форм» следует отметить, что они лишены «агентивного значения» и способны передавать более широкий диапазон отношений между действием-признаком и предметом — носителем признака, не меняя своей залоговой формы.

По всей видимости, эта проблема возникла вследствие того, что термин «причастие» был привнесен в тюркологию из индоевропейского языкознания, в частности русистики, где трактуется «узко»: причастие — атрибутивная (адъективная) глагольная форма. Так, В. В. Виноградов определяет данную форму следующим образом: «причастия, в которых глагольность выражается как окачествленное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного» [13, с. 228].

С другой стороны, существует мнение, что причастия — «это название глагольного признака, обосложненного представлением о пассивном признаке, т. е. представлением о свойстве или качестве» [14, с. 82]. Здесь имеется в виду взаимодействие динамического, активного («глагольного») и качественного, пассивного (именного) признаков. Термин «причастие» при этом подразумевает, что обозначаемая им глагольная форма выражает не столько действие, сколько «причастность» к нему [7, с. 146]. Следовательно, согласно данной точке зрения, главное в причастии — совокупность значений (динамического и качественного), где атрибутивность не является единственным свойством. Кроме того, особенности функционирования причастий, по мнению С. Н. Иванова, определяются специфическими чертами грамматического строя языка [7, с. 146–147].

В древнеуйгурском языке к адъективным формам (причастиям) следует относить лишь формы *-dačy*, *-yučy, -γma*, *-γly* [10, с. 99–100]. Формы *-r*, *-γalyr*, *-myš*, *-duq*, *-juq*, *-γu*, *-γuluq, -syq* следует относить к субстантивно-адъективным формам глагола [10, с. 100–103]. Впрочем, такое разграничение весьма условно, поскольку, как представляется, термин «причастие» не совсем применим для тюркских языков. Здесь следует подумать о корректности употребления данного термина и в тюркологии вообще, и в частных тюркских грамматиках. Ниже будет показано, что этот термин не совсем уместен для определения глагольных форм в древнеуйгурском языке.

При анализе функций и семантики **адъективных форм** выяснилось, что в материале памятников только формы *-dačy*, *-yučy* выступают исключительно в качестве присубъектных определений. Формы *-yly, -yma* объединяются тем, что в адъективной функции могут быть не только присубъектными определениями: в материале памятников обнаруживаются случаи, когда предмет — носитель признака может выступать и как объект действия. Такие случаи отмечены лишь при сочетании с основой глагола *te-* 'говорить, называть'. При субстантивации данные формы выражают производителя действия, что можно отнести к преобладанию «агентивности» в указанных формах.

Форма *-dačy~-däči~-tačy~-täči*. Отрицательный статус данной формы образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma-*: *tujmadačylar* (BUYZ I 30–31) от *tuj-*. Наряду с отрицательной формой *-madačy* встречается и *-mačy sözlämäči* (BTT IX 11, 11) от *sözlä-*.

В языке древнеуйгурских памятников форма *-dačy* встречается обычно в функции присубъектного определения: *kin keltäči burqanlar jemä nomlayaj* (TT VI 26) 'Будды, которые смогут прийти позднее, снова будут проповедовать'; *qutrultačy tynlyylarnyŋ köŋül köküz tüz jyltyz qylynč eriklärin utyuraty körür erti* (BTT IX 4, 12–14) 'Он верно видел душу и сердце, корни и происхождение, дела и поступки живых существ, которые могут спастись'; *suv öl ödüs altačy tamarlary…* (TT III 1, 17) 'Сосуды, которые способны собирать воду и влагу…'

Данная форма имеет семантику «настоящего-потенциального времени» [15, с. 54–58] с оттенком возможности (скорее всего — способности) совершения действия.

Другой характерной чертой данной формы является то, что при окказиональной субстантивации она обозначает только производителя действия: *asyy tusu qyltačylar. ara anada jegräk boltuqmaz* (BTT IX 58 v 6–7) 'Среди тех, кто способен творить добро, лучше матери нет'; *JU SHIH jemä köŋül tüziŋä tegdäčilär alqu edgü nomlaryy edgü erdämlig erkčä tapča bulyaly ujur* (BUYZ I 308–310) 'И так вот те, кто способны постичь основы сознания, при желании могут найти все хорошие учения и все хорошие достоинства'.

Форма *-yucy* (*-güči/-qučy/-küči*). Отрицательный статус образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma-: öritmägüči* (BTT IX 74, 12) от *örit-* 'заставить показаться'.

В древнеуйгурских памятниках встречается лишь как присубъектное определение: *otuz jyl jašayučy tynlyylar… oyurlamaqtyn tydylurlar* (BTT IX 122 v 3–4) 'Живые существа, живущие тридцать лет, удерживаются от воровства'; *antay osuyluy baqšyny ögirttürsär ol ögirttürgüči tetsä bu oq ažunta sidi bulur üčün anyn jany osuyy üč türlüg bolur* (BTT VIII A 48–51) 'Если кто-либо обрадует такого учителя, то у этого заставившего радоваться ученика новый метод для достижения в этом существовании *siddhi* будет трех видов'.

В случае окказиональной субстантивации форма *-yučy* обозначает производителя действия: *biz ilkidä kiši etözintä erkän bor bekni satyučy ertimiz* (BTT IX 110 v 12–13) 'Когда ранее мы пребывали в человеческом теле, мы были теми, кто продает вино и пиво'; *qa qadašqa tartynyučy bolur* (TT VII 37, 14) 'Он станет тем, кто заботится о родственниках'.

Форма *-yučy* выражает семантику «настоящего времени», точнее — длительного действия, развивающегося на фоне основного действия, с оттенком обычности, постоянности.

Форма *-yly* (*-(y)yly/-(i)gli/-(y)qly/-(i)kli*). Отрицательного статуса не отмечено. Как правило, определяемое по отношению к действию, выраженному данной формой, обо-

значает субъект: *ötrü ök kin terkinin bodistvniŋ kelgüsin kütügli kitumati kent ulustaqy bodun… ynča tep tejürlar* (BTT IX 146, 5–10) ‘Затем находящийся в городе Китумати (?) народ, ожидающий скорого прихода бодисатвы, так говорит…’; *birla keligli kišilar ödlajü eriglajü ol tegin jema özin qan atanty* (Hüen 56 5) ‘Следуя советам пришедших с ним людей, тот принц снова провозгласил себя ханом’.

В древнеуйгурских памятниках зафиксированы случаи, когда определяемое может обозначать также объект (а) и место совершения (б) действия, передаваемого исходной основой: а) *nirvan tegli nomnuŋ…* (BTT I D 329) ‘Учение (книга), которое называется нирвана’; *HSIN tegli burqan joq bolty mu erki* (BUYZ I 65–66) ‘Исчез ли будда, которого называют «сознание»?’; б) *ol ödün täŋri elig bögü qan kentü dintarlar erikli quvraqyaru kelti* (TT II A 35) ‘Тогда божественный правитель Бёгю-хан сам пришел в собрание (общину?), где находятся избранные (манихейцы)’.

Из материала следует, что форма *-yly* имела семантику действия, развивающегося на фоне основного, так называемого «настоящего времени».

В памятниках отмечены и случаи субстантивации данной формы, где она выражает производителя действия: *ötrü ol ödün jer altynqylar qyynčylar ölütčilär alqu ketgäj bašy kün erikligin joryyly aj erkligin joryyly jyl erkligin joryyly üzüt erkligin joryyly* (TT VI 88–91) ‘И тогда духи подземные, истязатели и убийцы — все исчезнут, сначала бродящие силой солнца, затем бродящие силой луны, потом бродящие силой года (ветра?), потом бродящие силой души’; *kim qaju bodistvlar men saqynčlyy kiši saqynčlyy tynlyy saqynčlyy jašayly saqynčlyy bolsar ol bodistv ermäz* (BTT I F 38–40) ‘Если кто-либо из бодисатв станет мыслящим о себе, о человеке, о живом существе, обо всём живущем, то он не является бодисатвой’.

Форма *-yma* (**-(*y*)*yma*/-(*i*)*ymä***). Отрицательного статуса не отмечено. Данная форма выражает действие, развивающееся на фоне основного действия («настоящее время»). Рассматриваемая форма могла выступать как присубъектное определение (а), в редких случаях и как приобъектное (б):

а) *kin keligmä burqanlar jema ynča ök nomlajurlar* (BTT IX 50 v 13) ‘Затем будды, которые приходят позднее, снова проповедуют’; *imärigmä qamay bodunyn qaryšyn ašmyš üklätmiš* (Suv 607, 17) ‘Он возвысил и увеличил те народы, которые [могли] собираться’; *qušcy itärči učuyma tynlyylaryy ölürtäči boltumuz bayryn joryyma* (TT IV A 57) ‘Мы стали птицеловами и сокольниками, и теми, кто убивает летающие и ползающие живые существа’;

б) *bodi tegmä tujunmaq jol…* (BTT I D 337) ‘Путь прозрения, который называют *boddhi*’; *bu jertinčüdäki qamay eliglär qanlar tegmä öküši bodistvlar tetir* (TT VI 247) ‘Многие в этом мире, которых называют «элигами» и «ханами», являются бодисатвами’.

При окказиональной субстантивации форма *-yma* обозначает производителя действия: *otluy opry ev barq ol… oyul qyz tegmä bay čoy ol* (BTT XIII 15, 25–26) ‘Огненное логово — это дом, а то, что называется сын и дочь, — это узы и путы’*; täŋriči men nomčy men tegmäkä artyzyp…* (Chuast 60–61) ‘Будучи обманутым теми, кто говорит: «Я божий посланник, я толкователь веры»…’; *bir igid nomuy tutuyma ikinti jemä jekkä ičkäkkä täŋri tipän jükünč jükünügmä…* (Chuast 57) ‘Во-первых, те, кто придерживается фальшивых законов и учений, во-вторых, поклоняющиеся демонам и вампирам, называя их божествами’.

Субстантивно-адъективные формы в древнеуйгурском языке можно разделить на две подгруппы: I. Формы *-myš*, *-duq*, которые в адъективной функции имеют широ-

кий диапазон типов соотношений с определяемым; другой их отличительной чертой является то, что в материале цитируемых памятников встречаются случаи как субстантивации, так и субстантивного использования, т. е. они могут и обозначать производителя действия (окказиональная субстантивация), и функционировать наподобие имен действия (субстантивное использование); II. Формы *-r*, *-juq*, *-yu*, *-yuluq* объединяются тем, что в субстантивной функции они «опредмечивают действие», а в адъективной функции соотносятся с определяемым подобно формам *-myš, -duq*.

Форма *-myš* (*-miš/-muš/-müš*). Отрицательный статус в материале памятников отмечен крайне редко и только в памятниках позднего периода: *adqanmamyš* (BUYZ I 211–212) от *adqan-* ‘привязываться, прицепляться’. Это, вероятно, обусловливается тем, что отрицательный статус данной формы полностью соответствовал отрицательному статусу формы *-duq* (*-maduq*). Иными словами, можно полагать, что *-maduq* является одновременно отрицательным статусом форм *-myš* и *-duq* [14, с. 124–127].

Традиционно считается, что *-myš* имеет перфектное значение («прошедшее неочевидное») [2, с. 123]. Однако, как представляется, данная форма передает действие, хронологически предшествующее, свершившееся к моменту действия основного глагола: *xu-a sačtylar sačmyš xu-alary uluy ügmä bolty* (Hüen 2b 20–21) ‘Они разбросали цветы. Разбросанные ими цветы составили большую кучу’; *lū bečin jyl toymyš kiši ayyr bolur ölmäz* (TT VI 25, 28) ‘Человек, родившийся в год дракона или обезьяны, будет испытывать невзгоды, но не умрет’; *bu savlaryy ešidip ol törüdä jyyylmyš qamay kišilär adyntylar* (Suv 16, 17–18) ‘Все собравшиеся на этом пире люди изумились, услышав такие слова’.

При адъективном использовании *-myš* определяемое может обозначать субъект (а), объект (б), место (в), время (г) действия, выраженного исходной основой, кроме того, отношения между определением и определяемым могут истолковываться по смыслу (д): а) *jemä qutluy uluy tavyač elintä üč ayylyy nom ötkürmiš kuilip tajšy üdik alip tavyač tilintä jaratmyš* (Hüen 16 a 5–9) ‘В счастливом табгачском городе (государстве) наставник Хуэй Ли, толковавший Трипитаку, воодушевившись, воссоздал ее на табгачском языке’; *kentüni atamyš ünüg anta oq ešidür* (Kuan 190–191) ‘Он слышит голос, зовущий его самого’; *bayyrtyn tebrätmiš ig ol* (TT I 221) ‘Это болезнь, распространившаяся из печени’; б) *meniŋ ašnuyy ažunta qylmyš öz qylynčym meni ynča emgätür* (TT VI 16) ‘Мои деяния, которые были совершены в прежних существованиях, причиняют мне такие страдания’; *ötrü kuanšy im pusar ol bušy bermiš erdänilig küntägüg alyp iki ülüš qylty* (Kuan 166–167) ‘Затем Куанши-им-пусар, взяв это драгоценное ожерелье, преподнесенное в виде пожертвования, разделил его на две части’; в) *kentü toymyš qylynmyš meŋigü täŋri jerin unytu ytdy* (Chuast 14–15) ‘Они забыли вечную землю богов, на которой сами родились и появились’; *suv qutmyš orunuy tuta balyq tüpläzün* (Hüen 6 a 20–21) ‘Пусть заложат город, придерживаясь того места, где была вылита вода’; г) *kuanši im pusar atyn atamyš oyrynta edgü qylynčlyy asyyy tususy antay tetir* (Kuan 54) ‘Польза хорошего деяния в то время, когда произнесено имя Куанши-им-пусара’; *atanmyš küntä azu jaŋy ev barqqa kirmiš küntä bu bitigig üč kata oqysarlar* (TT VI 435) ‘В день, когда дается имя, или в день, когда он входит в новый дом, если прочесть эту молитву (книгу) три раза…’; д) *ol tynlyylaryy ölürtmiš ajyy qylynčqa ökünü qatynu qoturu süzük kirtinč köŋültä turup…* (Suv 11, 12–13) ‘Я, раскаявшись в своих деяниях по поводу убиения тех живых существ и исполнившись истинной верой в своем сердце…’; *birök bitig oqymyš edgü qylynč erdäm bu* (TT VI 70–71) ‘Достоинство хорошего деяния, коим является прочтение [по поводу прочтения] этой книги, таково…’

Нередко встречается форма *-myš* в субстантивной функции, когда происходит семантическая операция «опредмечивания» действия: *taqy jemä tört toγum beš jol ičintä bir ažunlarta esäŋi sanynča toγmyšyn üjür saqynur* (BTT IX 148 v 24–27) ‘И снова он обдумывает и рассматривает то, как он неоднократно возрождался (букв.: о его неоднократном возрождении) во всех отдельных мирах в четырех видах решения и пяти дорогах’; *antaγ ešitmišim bar* (BTT IX 9 v 15) ‘Я так слышал’; *jemä emti nomlamyšym kergäk* (BTT IX 50 v 15–16) ‘Вот, снова я должен проповедовать’.

Из этих примеров видно, что в данном случае форма *-myš* отличается от имен действия наличием «временной» семантики. Можно отметить и то, что она способна сочетаться с аффиксами принадлежности и падежей. Например: *ne qylmyšyn aryty bilinmäz boltylar* (Suv 625, 17) ‘Они совсем не сознавали того, что совершили’; *adyn ešidsär etözin körsär saqynmyšy teginmiši joqsuz bolmaz* (Kuan 180–181) ‘Если он услышит его голос, увидит его тело, то его помыслы и желания не окажутся безуспешными’; *ančulaju erür meniŋ ešitmišim* (TT VI 05) ‘Вот то, что я услышал’.

Отмечена также возможность *-myš* субстантивироваться («окказиональная субстантивация»), причем здесь форма обозначает производителя действия: *küvänčlig suv köznäkiŋä soqlunmyšlarqa köni nomluγ köprügüg körkittiŋiz* (TT III 55) ‘Вы показали тем, кто ослеплен отражением в воде высокомерия, мост истинного учения’; *adynta ančulaju kelmišlär birlä tušušmaqy bolur* (Uig II 35, 26) ‘С другой стороны, состоялась встреча с Так-вот пришедшими’.

Форма *-myš* может сочетаться и с аффиксом экватива *-ča/-čä*, причем данные образования выражают уподобление: *ol oγurda oq bu üč tamudyn ozmyš qutrulmyšča saqyntymyz* (BTT IX 177, 23–24) ‘Мы думали в то время, будто уже освободились из этих трех видов ада’; *aryty ozmatyn qutrulmatyn ozmyš qutrulmyšča saqynur sen* (BTT IX 116 v 4) ‘Совсем не освободившись, ты думаешь, будто ты уже освободился’.

При употреблении данной формы с аффиксом местного падежа *-ta/-tä* и с послелогами *berü* (а) и *kin* (б) выражается обстоятельство времени: а) *kašip burqan nirvanqa barmyšta berü evrilmädük nomuγ tilgän prnas kent ulusta evirdi* (BTT IX 15 v 1–4) ‘В стране *Pirānas* (?) он повернул колесо учения, которое не вращалось с тех пор, как будда *Kasijapa* (?) вошел в нирвану’; б) *jayy ermištä kin satyyčylar jana kelti* (Hüen 2a 15–16) ‘После того как разбойники ушли, торговцы вновь вернулись’; *ydmyšta kin jana jana jarlyq kelti* (Hüen 15a 21–22) ‘После того как он отослал их, пришло еще одно распоряжение’.

Отмечена возможность формы *-myš* сочетаться с аффиксом дательного падежа (а) и послелогом *üčün* (б), причем данные образования выражают обстоятельство причины: а) *tolp synym söŋükim aγrymyšqa ertiŋü qoyšajur men* (Uig III 37, 6) ‘Я совершенно изнемогаю из-за боли во всех моих членах’; *sizlär qamaγun atamyšqa bu qalyn javlaqta ozyaj sizlär* (Kuan 53–55) ‘Вы все должны освободиться от многочисленных врагов и недругов, потому что произнесли его имя’; б) *HSIN üm toγmyš üčün burušamytlyγ jayyš qylyuluq JEN niŋ etin qanyn jelikin jüräkin tiläjürmen* (BUYZ II 213–214) ‘Так как моя душа родилась, я хочу мяса, крови, костного мозга и сердца человека, принесенного в жертву *prāsvamedhā*’.

Форма *-r* (***-ur/-ür/-jur/-jür/-ar/-är***). Отрицательный статус: *-maz/-mäz*. В языке древнеуйгурских памятников данная форма имеет семантику «непрошедшего времени», т. е. действия, развивающегося на фоне действия основного глагола; иногда можно отметить оттенок обычности совершения действия: *toγmaz batmaz biligkä tegir* (TT VI 127) ‘Он постигает науку, которая не рождается и не исчезает’; *ol kentkä bir olu-*

rur täŋri burqan ol (Hüen 7b 8–9) ‘Сидящий в этом городе бог является Буддой’; *ol ödün jer tutar bodistv orynta turup täŋri burqanqa ynča tep ötüg ötünti* (Kuan 213–214) ‘В то время он, вступив на место бодисатвы, держащего Землю, так обратился к богу Будде’.

При адъективном использовании определяемое может выступать как субъект (а), объект (б), а также обозначать место (в) или время протекания (г) действия, выраженного исходной основой: а) *adruq adruq etözläri körtgürüp bu sav atlyγ jer suvda jor-yjur tynlyylaryγ qutqarur* (Kuan 150) ‘Войдя в различные тела, он спасает живых существ, бродящих по земле под названием *sahā* (?)’; *ayyp kelir soqyγ suv aytarylyp janturu joryty* (TT I 11) ‘Поднимающаяся студеная вода спала и ушла обратно’; б) *basa jana özi jükünür burqanqa baryp jükünti* (Hüen 8b 3–6) ‘Затем он пошел и поклонился будде, котрого сам почитал’; *sevär oyuluγ qyzyγ ulaty ögüg qaŋyγ barča adyryp adyn ažunqa iltü baryr* (Uig III 43, 5) ‘Он всех разлучит: и любимого сына, и дочь, и мать, и отца — и унесет в другой мир’; в) *jorydym… isig kül erkäčlänür oruγuy…* (Hüen 12b 8–13) ‘Я прошел там (букв.: ту дорогу), где плещутся волны Иссык-Куля’; *olurur orun az-qyja üstün altyn bolsar…* (BTT VIII A 159) ‘Если внизу и вверху имеется малое количеств мест, где сидят…’; г) *ölügkä törü toqu qylyp öntürür küntä bu bitig üč qata oqyzun* (TT VI 284–285) ‘В день, когда, мучаясь, совершают обряд над мертвым и выносят его, пусть прочтут эту молитву (книгу) три раза’.

В материале цитируемых памятников часто можно встретить случаи субстантивного использования формы *-r*, где совершается семантическая операция опредмечивания действия: *ötrü oyul-qyja aru aru uluylatdy / ty er bütdi kün aj / da qolu jarašuryn körüp el ornyŋa olyurtdylar* (Hüen 7a 16–20) ‘Мальчик рос очень красивым, стал мужем, и, видя, что он способен на это, его посадили на трон (букв.: увидев его пригодность)’; *myastvi teginniŋ tony qamyš butaqy üzä asqyn turup tururyn… körtilär* (Suv 619, 11) ‘Они увидели, что одежда Магастви-тегина висит на ветках камыша (букв.: нахождение/висение одежды)’.

Отмечены также случаи сочетания формы *-r* с эквативом *-ča/-čä*, причем данные образования выражают уподобление: *eligläri üzä bičägin bičärčä bičärlär qavrajurlar* (BTT IX 198, 29–30) ‘Они шарят вокруг и режут руками, словно режут ножом’.

При сочетании с аффиксом местного падежа (а) и с послелогом *učün* (б) форма *-r* выражает соответственно обстоятельственные значения времени и причины: а) *muny munčulaju täŋridäm višajlyγ meŋilärig teginürtä tünlä bir ün ešitilti* (Uig II 28) ‘И вот, когда он достиг божественных чувственно-созерцательных радостей, ему по ночам стал слышаться какой-то голос’; б) *ačuq adyrtlyγ bilgäli uqyaly jarajur üčün…* (TT VI, прим. 383) ‘Поскольку стало доступным для ясного понимания…’

Форма *-duq* (*-dük/-tuq/-tük/-dik/-dyq*). Отрицательный статус образуется путем присоединения аффикса глагольного отрицания *-ma-*: *kelmädük* (Uig II 7) от *kel-* ‘приходить’. Как уже отмечалось выше, форма *-maduq* выполняла и функции отрицательного статуса формы *-myš*.

Форма *-duq* имеет семантику «небудущего времени», т. е. либо предшествующего, либо одновременного с основным действием.

При адъективном использовании определяемое может обозначать субъект (а), объект (б) или время протекания (в) действия: а) *ynča ešidip erüš öküš qut bulmaduq tojynlar qop ilik tutuq azlanmaq kөŋüllärin tarqaryp alqu nizvanylaryγ öčürüp arxant quty bulurlar* (BTT IX 219, 3–7) ‘Так вот услышав, много монахов, которые не достигли благополучия, раскрыли свои алчные сердца, погасили все свои страсти и достигли благополучия архата’; б) *bu bars negü jejür ašadyγy ašy negü öl tep tedi* (Suv 610, 11) ‘Чем

питается эта тигрица, что за пища, которую она ест?'; *arymaduq tsuj erinčülärimin bošuy qolup*… (TT IV B 50) 'Вымолив прощение всех моих неискупленных грехов…'; в) *antran ozup qurtulup burqanlar belgürmädük ödtä tört türlük terin quvraq joq ödtä türk öčül bodun buqun ara alpyn emgäkin kiši azunta toyar* (BTT IX 85, 18–23) 'Освободившись оттуда, он возродится благодаря стараниям и усилиям в человеческом существовании среди населения *türk öčül* (?) в то время, когда не появляются будды и нет трех видов общин'.

В случае субстантивного использования форма *-duq* «опредмечивает» действие: *täŋri burqan bu nom jarlyq jarlyqap qamay qalyn quvraq ešitmädükün esitmiš teg bulmaduquy bulmyš teg bolur* (TT VI 456–457) 'Когда Будда доносит это учение, вся большая община становится как будто услышавшей неслыханное и постигшей непостижимое'; *ikinti üzik akšar igid saqynč bodluq belgülük nomlar birlä qatyšlyy ermäz ertükin oqytur* (BUYZ I 126–128) 'Во-вторых, известно, что сознание не может быть смешано со слогами и буквами, с ложными представлениями и с телесными, явными учениями'.

В материале цитируемых памятников отмечена также возможность окказиональной субстантивации данной формы; такие образования называют производителя действия. Подобные случаи зафиксированы лишь в трех примерах: *FO lar bu jertinčüdä belgürmäki ersär tujmaduqlarnyŋ HSIN tözin ačyaly oqytyaly tujduryaly tanuqladturalyr üčün belgürmiš erür* (BUYZ I 28–30) 'Что же касается появления на этой земле будд, то они появляются для того, чтобы открыть, научить, заставить узнать и помочь осуществить основу сознания тем, кто этого не знал'; *netäg tep tisär köŋül tözin umaduqlar iš qylsar ilinmäk japsynmaq umsunmaq küsämäk HSIN üzä qylurlar* (BUYZ I 317–319) 'Если те, кто не понял основу сознания, совершат поступок, то сделают это благодаря сознанию, привязанности, желанию и надежде'.

Форма *-duq* чаще всего встречается в сочетании с падежными аффиксами, выражая разного рода обстоятельственные значения: а) с аффиксом местного падежа, где выражает обстоятельство времени: *körtüktä ešittüktä bürttüktä jytladuqta tatṯuqta alqu ödün meŋi tuna turquryučy bolurlar* (BTT IX 139 v 21) 'Когда они слышат, видят, чувствуют и чуют это, то становятся теми, кто создает радость и власть (?)'; б) с аффиксом дательно-направительного падежа, где выражает обстоятельство цели: *ašnuča ešittürtükkä ydu tegintim* (Hüen 13 b 2–3) 'Я послал с тем, чтобы заранее оповестить'; в) с аффиксом исходного падежа, где выражает обстоятельство причины: *köŋül tegli nomta bir ed jemä joq erip quruy tydyysyz ertükintin sav üzä teggäli bolmaz* (BUYZ I 194–196) 'Так как в учении, называемом «сознание» (душа, сердце?), не существует вещи (материи?) и так как оно пусто и несущественно, невозможно достичь его словами (букв.: словом)'.

Кроме того, в памятниках уйгурского письма можно отметить употребление формы *-duq* с послелогами *üčün* (а), со значением обстоятельства причины, и *ötrü* (б), со значением обстоятельства времени: а) *köŋülläri köküzläri… umaduq üčün ol tamuluy etözlär tamudyn ozup qurtulup…* (BTT IX 76 v 8–10) 'Так как их сердца и души не могли… то тела каждого, кто находится в аду, освободившись из ада…'; б) *ödi tegdüktä ötrü toyar* (TT VI 227) 'Когда приходит их время (букв.: после того как…), они рождаются'.

Форма *-juq/-jük* (предположительно, фонетический вариант формы *-duq*) [16, с. 92–104]. Отрицательный статус *-majuq* < *-ma* + *-juq*.

Форма *-juq* выступает в качестве признака действия, которое реализовано в прошлом, до начала основного действия («абсолютное прошедшее время»). В памятниках древнеуйгурского языка данная форма обычно встречается в функции сказуемого, а случаи адъективного использования редки [1, s. 29].

Определяемое может обозначать субъект (а) и объект (б) действия, выраженного исходной основой: а) …*tükäjük tanašysyz edgülärin* (BTT IX 154, 21) ‘Несравненная доброта, которая закончила…’; б) *kim qaju tynlyylar adyn kišinin bermäjük adyn tavaryn oqurlasarlar* (BTT IX 83 v 21–23) ‘Если живые существа крадут у другого человека вещи и добро, которые тот не дает…’

При сочетании с аффиксом дательно-направительного падежа форма *-juq* выражает обстоятельство причины: *täŋrikä jayyš ajyy bermäjükkä bašyn közin ayrytur* (TT VII 25, 1–2) ‘То, что он не принес жертву божеству и не соблюдает обетов, вызовет боль в голове и глазах’.

Форма *-yu* (*-gü/-qu/-kü*). Отрицательного статуса не отмечено. Выражает значение будущего времени, иногда с оттенками возможности или долженствования: *ötlädi eriglädi tapyy uduy qylyuqa* (TT VII 14, 3) ‘Он давал им советы и наставлял их к необходимости служения’; *ozyum qutrulyum joq turur* (Suv 10, 14) ‘Я не смогу спастись и избавиться’.

В памятниках древнеуйгурского языка данная форма имеет значение «главным образом субстантивное, выражающее действие или процесс, а также и отвлеченно предметные понятия» [16, с. 65]. Вероятно, вследствие этого форму *-yu* часто относят к именам действия (масдарам) [17, с. 9, 158–166; 18, с. 3–7]. Однако фактический материал, выбранный из памятников, показывает, что форма *-yu* использовалась и в адъективной функции, где могла выступать как присубъектное (а), приобъектное (б) определение, где определяемое могло обозначать место (в), время (г) действия, а также сочетаться изъяснительными отношениями (д): а) *bu jertinčü jer suvdaki tynlyylar birök burqanlar körkin körü qutrulyu tynlyylar ersär kuanši im pusar ol tynlyyqa burqanlar körkin körtgürür nomlajur qutqarur* (Kuan 102) ‘Если живые существа, находящиеся в этом мире, являются такими живыми существами, которые могут спастись, увидев (букв.: смотря на…) красоту Будды, то Куанши-им-пусар показывает этим живым существам красоту Будды, проповедует и спасает’; *täŋri jeriŋä baryu joluy ač* (BTT IX 47, 8) ‘Открой путь, который ведет на землю богов’; б) *bizinä tapynyu jüküngü erdäni berip ermiš* (Uig I 8, 18) ‘Он дал нам драгоценность, которой нужно поклоняться и которую нужно почитать’; в) *ol tayda djanqa oluryu üŋürlär ayazlar öküš…* (Hüen 4a 2) ‘В этой горе много пещер, в которых можно будет предаваться созерцанию’; г) *jula tamturyu künlär bütdi* (TT VII 40) ‘Дни, в которые можно/нужно зажечь факел, закончились’; д) *özlüg ölürgü sav birtäm qodup nir jentäm bu nom erdänig bošyuntylar bitidilär oqydylar oqyttylar bitittilär* (Suv 17, 13) ‘Отбросив сразу слова об умерщвлении живых, они постоянно изучали, держали, писали и заставляли писать это драгоценное писание’.

При субстантивном использовании формы *-yu* происходит семантическая операция «опредмечивания» действия: *amarylary eräп ešilärniŋ belgülärin körüp qor jaы asyq tusu bulyularym körgitirlär ajurlar erti* (BTT IX 202, 6–9) ‘Другие, увидев приметы мужчин и женщин, показывали и говорили о наличии (букв.: о том, что они могут найти…) в них пользы или вреда’.

Отмечены также случаи сочетания формы *-yu* с послелогом *üčün*, где данное образование обозначает либо обстоятельство цели (а), либо обстоятельство причины (б): а) *alqu barča sizni syŋaryu üčün*/// (BUYZ II 262–263) ‘Все это было для того, чтобы испытать вас…’; б) *alquny biltäči bolyu üčün tapynyyl* (BUYZ II 37) ‘Поклоняйся ему, поскольку он может знать все’.

Форма *-yuluq* (*-gülük/-quluq/-külük*) является, вероятно, одним из вариантов формы *-yu*: *-yuluq* < *-yu* + *-luq* [18, с. 3].

Данная форма имеет семантику «будущего времени», с оттенком возможности или долженствования.

В отличие от *-yu*, форма *-yuluq* чаще всего встречается в адъективной функции, что, скорее всего, обусловлено наличном аффикса *-luq* (показатель, образующий прилагательные) [10, с. 102–103]. Данная форма встречается как присубъектное (а) и приобъектное (б) определение; кроме того, определяемое может обозначать место (в) или время (г) протекания действия, а также истолковываться по смыслу (д): а) *quzyun qoburya ulaty javlaq belgülük qorqynčyy ünlüg qušlar* (TT VI 58) ‘Вороны, совы и другие птицы со страшными голосами, указывающими на дурные приметы’; б) *tanuqlady baqšysyz bilgülük nomuy* (Hüen 10 a 3–4) ‘Он постиг закон, который может познаваться без наставников’; в) *bu ersär aršylar turyuluq orun ol* (Suv 609, 7) ‘Что же касается этого, то это то место, где могут/должны обитать отшельники’; г) *ozyuluq qutrulyuluq ödümüz künümüz taqy tükämäzkän…* (Suv 6, 22–7, l) ‘Пока еще не закончились наши дни и время, когда мы сможем освободиться’; д) *vajročani arxantqa saŋram etgülük jaŋyn kepin ajytyp küntä etip bütürti* (Hüen 10b 16–19) ‘Испросив у архата Вайрочани образец, по которому должен быть построен монастырь, завершили строительство за один день’.

В материале отмечен также случай сочетания формы *-yuluq* с послелогом *üčün*, где выражается обстоятельственное значение причины: *teginmäk saqynč qylynč biligtä ulaty alqu nomlar saqynyaly böküngäli bolmayuluq üčün bilga bilig bramit jemä saqynyaly böküngäli bolmayuluq erür* (BUYZ II 608–611) ‘Так как ощущения, мысли, дела и сознание (знание?) и другие элементы (*dharm*) нельзя понять и осмыслить, то не в состоянии понять и осмыслить это даже мудрая наука и добродетель (*pāramitā*)’.

В редких случаях субстантивного использования данная форма представляет действие как предмет, т. е. функционально сближается с субстантивами (именами действия), отличаясь от них временной семантикой: *burqan qutynyŋ tyltayynta bolyuluqy negü bolzun* (BTT I D 194) ‘Каким же будет его бытие (нахождение?) в благодати будды?’; *kertü tözkä tegdüktä tynlyy tep tetgülüki boltuqmaz* (BTT I D 125–126) ‘Когда он достиг истинного бытия, то никого не может назвать живым существом (букв.: нет возможности его говорения «живое существо»)’; *öküš sav sözläsär uqyuluqy boltuqmaz* (BTT I D 187) ‘Если кто-либо говорит много слов, то он не сможет этого понять’.

Форма *-syq* (*-sik*, *-suq*, *-sük*). Встречается лишь в древнеуйгурском памятнике манихейского содержания «Покаянная молитва манихейцев» [3, p. 301–303]. Существует предположение, что аффикс восходит к тюркскому *-asyy/-äsig*, результатом развития которого стал показатель *-asɪ/-esi* в некоторых современных тюркских языках [19, s. 118–119]. Однако данное предположение представляется сомнительным. Например, *ančulasyq* восходит к глаголу *ančula-* («совершать подношения, поступать определенным образом») [20, с. 137].

Материал памятников позволяет отнести данную форму к субстантивно-адъективным. Во всех отмеченных случаях форма выступает в адъективной функции, причем определяемое либо является объектом действия, выраженного исходной формой (а), либо сочетается «изъяснительными отношениями» (б): а) *nečä sözlämäsig irinčülüg söz sözläjür biz nečä išlämäsig irinčülüg iš išläjür biz* (Chuast 138) ‘Сколько мы произносим греховных слов, которые не следует произносить, сколько мы совершаем неподобающих поступков, которые не следует совершать’; б) *bir biligin aryy köŋülin alqansyq törü bar erti* (Chuast 96–97) ‘Существовал закон, согласно которому воздают хвалу с единым знанием и чистой душой’; *biz adruq adruq itip jaratryp nomqa kigürsük törü bar erti* (Chuast 106)

‘Существовал закон, согласно которому мы разными способами воссоздаем и перестраиваем свет [пяти богов] и привносим его в учение’; *bir jylqa elig kün aryy dintarča vušanti olursuq törü bar erti* (Chuast 114–115) ‘Существовал закон пятьдесят дней в году соблюдать обряд «вушанти» подобно истинным манихейцам’.

Форма *-yalyr* (*-gälir/-qalyr/-kälir*). Следует отметить, что в адъективной функции данная форма встречается крайне редко: *ötrü ol jeklär čstani eligig körüp siŋirkälir osuyluy qylynyp tegirmiläjü avlap ynča tep tedilär* (Uig I 40, 4) ‘Затем те демоны, увидев правителя Частани (?) и вознамерившись съесть его (букв.: сделав вид, что вот-вот съедят), окружили его и так сказали…’ В данном случае отношения между определением (*siŋirkälir*) и определяемым (*osuy+luy*) можно истолковать только по смыслу, т. е. как «изъяснительные отношения» [4, с. 37].

Примечательно и то, что данная форма в большинстве случаев употребляется с послелогом *üčün*, а также в форме исходного падежа с послелогом *berü* [21, s. 119–120]: а) *taqy jemä inisi //ik qutyalyr üčün antiris jazuqluy tynlyy osuyluy avy// baru jarlyqady* (BTT IX 60, 8–11) ‘Затем, чтобы освободить своего младшего брата, он соизволил пойти подобно живому существу, наделенному грехом смерти’; б) *eli turyalyrtyn berü öküš jyllar ötmiš* (Hüen 1a 15) ‘С тех пор как было создано его государство, прошло много лет’.

Из данных примеров вытекает, что при сочетании формы *-yalyr* с послелогами она выступает в функции обстоятельства (*-yalyr üčün* — обстоятельство цели, *-yalyr berü* — обстоятельство времени), т. е. функционально близка остальным субстантивно-адъективным формам (ср.: [6, p. 278]).

Рассмотренные выше глагольные формы следует разделять, учитывая их функционально-семантические особенности, на адъективные формы (причастия) и субстантивно-адъективные формы.

Адъективные формы (*-dačy*, *-yučy*, *-yma*, *-yly*) объединяются общим значением представления действия в виде признака. Данный ряд форм распадается на формы с агентивным значением (*-dačy*, *-yučy*), закрепляющим указание на сопряженность действия с его производителем, и на формы, в семантике которых преобладает агентивность (*-yma*, *-yly*). Последние в редких случаях могут выступать и как приобъектные определения.

Особенно ярко агентивное значение адъективных форм проявляется при их субстантивации: данные образования обозначают производителя действия.

Субстантивно-адъективные формы *-myš, -duq, -r, -juq, -yu, -yuluq* объединяются тем, что, во-первых, представляют действие в качестве предмета («опредмечивают» действие), а во-вторых, представляют действие в качестве признака. При адъективном использовании они отличаются от адъективных форм отсутствием «агентивного значения», т. е. выступают не только присубъектными определениями.

Особо следует отметить формы *-duq* и *-myš*, которые в редких случаях могут субстантивироваться, выражая при этом производителя действия.

В материале памятников отмечена возможность употребления субстантивно-адъективных форм с послелогами и аффиксами падежей, причем данные образования выражают разного рода обстоятельства, т. е. функционально сближаются с деепричастиями.

Формы *-yalyr, -syq* отнесены к классу субстантивно-адъективных лишь по косвенным признакам, поскольку довольно редко встречаются в памятниках. К этим признакам относятся, во-первых, их способность в адъективной функции передавать более

широкий диапазон значений сочетания с определяемым (*-γalyr, -syq*) и, во-вторых, возможность передавать обстоятельственные значения при сочетании с падежами и/или послелогами.

Литература

1. *Nemeth J.* Türkische Grammatik. Berlin; Leipzig, 1916. 126 s.

2. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–XI вв. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980. 256 с.

3. *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston, 2004. 575 p.

4. *Иванов С. Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2: Грамматические категории глагола. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 86 с.

5. *Кондратьев В. Г.* Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности (VIII–XI вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 191 с.

6. *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921. 1218 p.

7. *Иванов С. Н.* Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л., 1959.

8. *Гузев В. Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 164 с.

9. *Маматов М. Ш.* К вопросу о категории номинализации действия // Советская тюркология. 1988. № 5. С. 41–52.

10. *Телицин Н. Н.* Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгурского глагола // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 96–103.

11. *Гаджиахмедов Н. Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). М., 2000. 385 с.

12. *Гузев В. Г.* О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами, в современном турецком языке // Советская тюркология. 1977. № 5. С. 37–43.

13. *Виноградов В. В.* Русский язык. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.

14. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952. 272 с.

15. *Насилов В. М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М.: Наука, 1974. 101 с.

16. *Насилов В. М.* Древнеуйгурский язык. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 122 с.

17. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (имя). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977. 191 с.

18. *Тенишев Э. Р., Бирюкович Р. М.* Реликты древнеуйгурской формы на -γuluq в современных тюркских языках // Советская тюркология. 1985. № 3. С. 3–7.

19. *Benzing J.* Bücherbeschprechung: Talat Tekin. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: The Hague, 1968 // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1980. No. 130. P. 116–120.

20. *Телицин Н. Н.* О происхождении некоторых наречий в древнеуйгурском языке // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2000. Вып. 1. С. 137–139.

21. *Schulz P.* Verbalnomina und Konverbien als adverbiale Ergänzungen im Alttürkischen: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades / Justus-Liebig-Universität Gießen. Frankfurt, 1978. 245 s.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.